

DOI: 10.15643/libartrus-2020.6.5

Интердискурсивность в повести С. Довлатова «Компромисс»

© О. В. Богданова^{1*}, Е. А. Власова²

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Россия, 191186 г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

²Российская национальная библиотека
Россия, 191069 г. Санкт-Петербург, улица Садовая, 18.

*Email: olgabogdanova03@mail.ru

В статье исследуется явление интердискурсивности на материале повести С. Довлатова «Компромисс». Благодаря привлечению понятия интердискурсивность для анализа известного довлатовского произведения ставится задача найти и рассмотреть художественные черты прозаического мира писателя, проявившиеся в условиях пересечения двух дискурсов: художественного и публицистического. Изучение художественных аспектов интердискурсивности на материале повести «Компромисс» С. Довлатова обусловлено самим характером повести, сочетающей газетные вставки и художественные зарисовки к ним. Настоящее исследование стремится восполнить пробел в отношении повести «Компромисс», преимущественно рассматриваемой в рамках проблемы комического. В результате анализа делается вывод о том, что в повести на фоне интердискурсивности проявляются такие художественные черты, как автобиографичность, псевдодокументализм, основным же оказывается мотив превращения.

Ключевые слова: интердискурсивность, Довлатов, «Компромисс», дискурс, интертекстуальность, современная русская литература.

Современными исследователями принята, на наш взгляд, логичная точка зрения рассмотрения интердискурсивности как продолжения прочно укоренившегося в литературоведении понятия интертекстуальность. Так, Н. Ю. Георгинова замечает, что «в своей основе интердискурсивность – явление не новое» [5, с. 151] и связано с полифонией текста.

Интердискурсивность как явление взаимопроникновения различных дискурсов (в нашем случае дискурса художественной литературы и публицистического) часто рассматривалась в рамках лингвистики текста [19], лингвистики и литературоведения [3] или на примере конкретных стилей, как в работе Н. Н. Пелевиной «Интердискурсивность научного и художественного текстов» [16] или Д. А. Головановой [4]. В последнее время наметилась тенденция рассматривать интердискурсивность на материале произведений художественной литературы [9] или шире – на материале кинотекста [18]. Более широкий контекст приводил ученых к выводу о том, что интердискурсивность является категорий постмодернистского письма [14, 17].

Понятие интертекстуальности широко исследовалось на материале прозы Довлатова [2]. В результате были сделаны выводы о прочной связи современной по своему характеру прозы Довлатова с традицией русской классической литературы. Повесть «Компромисс» не включалась при интертекстуальном анализе, что, на наш взгляд, связано с ярко выраженным интердискурсивным характером повести «Компромисс».

Наиболее интересной в творчестве Довлатова при разработке проблемы интердискурсивности на материале художественного/нехудожественного дискурсов оказывается повесть

«Компромисс», состоящая из «отдельных самостоятельных новелл» [1, с. 462] и представляющая собой опыт совмещения газетного стиля и художественного повествования. Важно отметить, что преимущественно повесть «Компромисс» рассматривалась в рамках проблемы представления комического [8, 13, 20], исследователи редко обращались к повести для анализа публицистических особенностей произведения [10]. Интересно отметить, что первоначально, как указывает А. Ю. Арьев, «эпизоды книги не снабжались газетными преамбулами» [1, с. 462]. Новеллы, собранные в «Компромиссе», отражают журналистский опыт Довлатова и содержат выводы к его творческим исканиям, начатым в 60-е гг. Попутно писатель решает для себя вопрос – для чего литература, зачем нужно писать. За несущественными журналистскими буднями писатель размышляет о соотношении искусства и жизни.

Взаимоотношения художественной реальности и окружающей действительности занимали писателя еще ранее – так, словами одного из героев повести «Дорога в новую квартиру» режиссера Малиновского Довлатов определяет собственное отношение к литературе, искусству в широком смысле: «Искусство правдивее жизни, оно, если угодно...» [6, с.190], и есть жизнь – невольно дополняет читатель оборванную реплику героя. В «Дороге...» писатель пробует для себя использовать совмещение двух планов – якобы фактический, псевдодокументальный – где повествование ведется от лица героя, и условно выдуманный – голубой дневник Звягиной Вари, где простое знакомство с майором переосмысливается, преломляется в сознании героини, и простые реплики приобретают другой, романтический смысл.

В повести «Компромисс» писатель идет еще дальше в своих литературных экспериментах и создает произведение, полностью построенное на смене регистра – публицистического, якобы нейтрального, выраженного в газетных зарисовках, и псевдореального, описанного средствами художественной литературы. Такие литературные поиски, основанные на эволюции прозы, связываются рядом исследователей с «варьированием функций и стилевых особенностей художественного» дискурса [17, с. 41], выливающимися в привлечение «смежных» с художественным «научного и публицистического» дискурсов [17, с. 41].

Следует отметить, что такая литературная «игра», при которой публицистические по форме тексты оказывались полностью плодом воображения автора, представляет собой распространенную практику в пишущей среде советских писателей-журналистов. Один из самых известных примеров связан с историей писателя Юрия Нагибина, который в 1950 г. целый месяц писал о Сталинском избирательном округе, и чьи журналистские зарисовки оказались абсолютной выдумкой, правдивость которых была столь высока, что писатель за них получил премию [12]. Кстати, мотив премии также фигурирует у Довлатова в качестве сквозного сюжета, проходящего сквозь все эпизоды повести «Компромисс» – правда, с той оговоркой, что журналисту ее обещают за тенденциозно выверенный репортаж, но так и не выдают.

Мотив ирреальности, умышленно выдуманной действительности привносится Довлатовым также в газетные зарисовки повести. В «Компромиссе восьмом» фигурирует репортаж, полностью изобретенный журналистом Бушем, о капитане судна. И, как было принято в партийной газете, основной упрек журналисту был не за выдуманность истории, а за несоответствие капитана конъюнктурной практике газеты – герой очерка оказался беглым эстонцем.

Довлатов с первых страниц настраивает читателя на нужное ему восприятие газетных вставок: «Газетные вырезки... Пожелтевшие листы. Десять лет вранья и притворства» [7, с. 260]. Таким образом, как будто бы достоверный – публицистический, газетный дискурс оказывается «толщей воды» [7, с. 261], сквозь которую можно «различить усеянное консервными

банками дно» – «разговоры, чувства, действительность» [7, с. 261]. Что же оказывается «толщей воды» [7, с. 261], преломляющей действительность в «Компромиссе первом», это «железная» [7, с. 270], по мнению редактора газеты, очередность перечисления стран. То есть «внеклассовый» [7, с. 270], алфавитный поход оказывается при таком ракурсе «оппортунистическим» [7, с. 261].

В «Компромиссе втором» – статье, посвященной юбилею Таллинского ипподрома, газетная действительность строится на приеме перевертыша – где «Соперник ветра» в действительности должен «умело» [7, с. 276] отстать, чтобы дать возможность выиграть на ставках. Главная особенность новеллистических эпизодов, отличающая их от газетных вставок, выражена самим автором достаточно четко: «В этой повести нет ангелов и нет злодеев, да и быть не может» [7, с. 272]. «Я давно уже не разделяю людей на положительных и отрицательных. А литературных героев – тем более» [7, с. 272]. Таким образом, автор как бы заведомо лишает себя точки отсчета, отказывается быть судьей своим героям. При таком подходе искажение действительности уже не выглядит чем-то преступным: «Бескорыстное вранье – это не ложь, это поэзия» [7, с. 280].

В «Компромиссе четвертом» журналист Сергей Довлатов вновь совершает идеологическую ошибку, но уже против местного эстонского населения – в детских стихах инструктор ЦК усмотрел шутовское пародирование эстонского народа, но оставил без внимания тот факт, что «Вечерний Таллин» издается на русском языке».

Герой Довлатова отдает себе отчет в том, как выглядит журналистская работа в газете «Вечерний Таллин»: в газете (а читатель понимает шире – в журналистике), сетует герой Довлатова, молодой эстонской журналистке «много врать приходится» [7, с. 300].

Компромиссы строятся в повести как перевертыши, где, казалось бы, выверенный и нейтральный по своей сути публицистический стиль газетных зарисовок оказывается перевертышем – «толщей воды» [7, с. 261], за которой «смутно» угадываются «контуры действительности» [7, с. 280]. Природа журналистской работы оказывается при таком ракурсе сродни работе партийного работника: «Ведь партийный работник и журналист где-то... коллеги» [7, с. 302]. Свое отношение к журналистской деятельности герой Довлатова вместе с автором выражают через слово работа (заметим, не творчество). Это работа, «которая хорошо оплачивается. Работа по созданию иной более четкой, лишенной трагизма, гармонической жизни. На бумаге» [7, с. 446]. При этом основной движущей силой этой работы становится цинизм, оказывающийся особым профессиональным достоинством. Когда у незадачливой журналистки Лиды не получается выполнить собственное журналистское задание по созданию сюжета об интересном человеке, она обращается за помощью к главному герою: «Мне нужен твой...

- Цинизм? – подсказал я.

- Твой профессиональный опыт, – деликатно сформулировала Лида» [7, с. 292]. И вновь читатель сталкивается с перевертышем, где благодаря удачной формулировке цинизм превращается в профессионализм. Типичный журналист – это человек «с раздвоенностью и цинизмом» [7, с. 446]. Единственный раз, когда журналистское поприще сравнивается с чем-то творческим, встречается в описании одного из наиболее успешных коллег героя по газете – Шаблинского, ставшего промышленным журналистом – «гибрид поэзии и техники» [7, с. 448]. Но следует понимать, что это определение-характеристика возникает уже в конце произведения, когда читатель достаточно погрузился в искаженный мир газетной публицистики, и где поэзия оказывается синонимом лжи, пусть даже и бескорыстной: «Бескорыстное вранье – это

не ложь, это поэзия» [7, с. 280]. Однако в случае с Шаблинским читатель понимает, что «бескрыстное» в этом определении оказывается лишним, т.к. его жизнь превратилась в достижение средств. «Альтернатива добра и зла переродилась в альтернативу успеха и неудачи» [7, с. 448]. Мотив перерождения, превращения перевертыша продолжает быть основным в журналистской публицистике «Компромисса», превращаясь в «архетипический», как указывает Н. А. Орлова в статье «Архетипический мотив превращения в прозе С. Довлатова» [15].

С точки зрения партийно-номенклатурной, одним из главных достоинств хорошего газетного текста оказывается наличие «человечинки» [7, с. 299], которая противопоставляется газетным штампам. Редактор Туронок наставляет Довлатова: «Привычные газетные штампы здесь неуместны. Человечинка нужна» [7, с. 299]. То есть в преломленном, перевернутом мире конъюнктурной журналистики простые человеческие достоинства – искренность, безыскусность – становятся «человечинкой» [7, с. 299].

Журналист Довлатов (характерная автобиографичность – совпадение имени у главного героя и писателя) последовательно проводит читателя сквозь главные жизненные этапы – рождения («Компромисс пятый» – «Человек родился») и смерти («Компромисс одиннадцатый»). В текстах газеты они, следуя необходимой риторике, подаются в нужной партийной тональности, полностью искажая факты – в действительности, в одиннадцатом «Компромиссе» под видом директора телестудии случайно хоронят бухгалтера рыболовецкого колхоза; родившегося мальчика в «Компромиссе пятом», родители хотят назвать не Лембитом, а Володей, и, следуя договоренности, оставляют имя Лембит только на время написания газетного очерка.

Однако неконъюнктурная действительность иногда прорывается через газетный наигранный тон – во фразе «человек, обреченный на счастье» [7, с. 278] из концовки газетного очерка про родившегося мальчика благодаря слову «обреченный» [7, с. 278] вносится жизненный трагизм, потому что обычно обреченный человек – это человек несчастный.

В целом общая обстановка написания повести «Компромисс» не позволяла писателю открыто высказываться о важнейших вопросах общественной жизни, наблюдаемой им в советской Эстонии. Но, как и в газетных зарисовках, действительность иногда прорывается в отрывках, мимоходом сказанных репликах. Узнав, что сына главного врача родильного дома должны посадить, журналист Довлатов быстро спрашивает: «Дело Солдатова? – деятель эстонского возрождения» [7, с.280]¹. В «Компромиссе пятом», посвященном рождению человека, Довлатову запрещают писать о первенце своего коллеги Штейна, потому что он еврей: «Штейн подумал и вдруг сказал: – Значит, антисемитизм все-таки существует? – Похоже на то» [7, с. 282].

Основополагающие принципы журналистской работы отражены в важном диалоге между двумя майорами, т.е. людьми военными, лишенными творческого потенциала в силу профессии, которые случайно встречаются герою в поезде:

«– Где линия отсчета, Витя?

– Необходима линия отсчета? А без линии отсчета, сам понимаешь...

– Необходима шкала ценностей, Витя. Истинная шкала ценностей. Плюс точка отсчета.

А без шкалы ценностей и точки отсчета, сам посуди...

¹ Солдатов С. И. (1933, Нарва – 2003, Таллин) – идеолог Демократического движения Эстонии, был приговорен в 1975 г. к шести годам лишения свободы за антисоветскую агитацию. Во время обыска у Солдатова была обнаружена рукопись С. Д. Довлатова, после чего писатель был изгнан из журналистики, а затем из Эстонии.

– Есть факт, Коля! А факт – есть факт, как его ни поворачивай. Факт – это реальность, Коля! То есть нечто фактическое...»

В искаженной, перерожденной реальности газетных зарисовок факт требует шкалы ценностей, точка отсчета превращается в ценности номенклатурно-партийного режима. Перо Довлатова выхватывает не только художественные черты, с большей бескомпромиссностью оно фиксирует системные черты советского коммунистического дискурса, который как сверхнорма довлеет и над публицистическими и художественными дискурсами творчества писателя. Вполне возможно, что коммунистический нарратив, наддискурс становился той питательной средой, в которой появлялись именно такие тексты. Как нам кажется, исследования о творческой составляющей, выявление особых типологических, архетипических черт коммунистического идеологического дискурса как особой творческой среды с искаженными представлениями – дело будущих исследователей.

Интердискурсивность – проникновение одного дискурса в другой – позволяет, по мнению Н. С. Олизько [14], выделить архетипические черты художественного мира произведения. Исследование интердискурсивного характера повести С. Довлатова показало, что для писателя такая форма письма явилась интересным экспериментом, в ходе которого писатель решал для себя основные вопросы: для чего литература, как взаимодействуют искусство и жизнь.

Как показал анализ повести «Компромисс», взаимопроникновение публицистических по своей форме газетных вставок и новеллистических зарисовок к ним создает особый художественный мир повести, имеющий важные отличительные черты, возникшие в точке пересечения дискурсов: публицистического и художественного. И таковыми у Довлатова становятся автобиографичность, псевдодокументальность и мотив превращения, где искусство по-настоящему правдивее жизни.

Литература

1. Арьев А. Библиографическая справка // *Собр. соч. в 4 т.* СПб.: Азбука, 2016. Т. 1. С. 458–462.
2. Богданова О. В., Власова Е. А. Пушкинский и постпушкинский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // *Университетский научный журнал.* 2018. №42. С. 15–28.
3. Владимирова Н. Г. *Интертекстуальность. Интермедальность. Интердискурсивность.* Великий Новгород, 2016. С. 170.
4. Голованова Д. А. Интердискурсивность дипломатического дискурса // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2014. №7(92). С. 25–30.
5. Георгинова Н. Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий // *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина.* 2014. №3. С. 149–154.
6. Довлатов С. Д. Дорога в новую квартиру // *Собр. соч. в 4 т.* СПб.: Азбука, 2016. Т. 1. С. 181–203.
7. Довлатов С. Д. Компромисс // *Собр. соч. в 4 т.* СПб.: Азбука, 2016. Т. 1. С. 255–458.
8. Корюкина Н. В. О межкультурной транслируемости юмора С. Довлатова (на примере повести «Компромисс») // *Вестник Пермского университета. Серия: Филология.* 2008. №3.
9. Куприянова Е. С. Интердискурсивность романа Дж. Уинтерсон «Хозяйка света» // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2017. №2. С. 114–122.
10. Ласточкина Е. В. Публицистическое начало в прозе С. Довлатова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.
11. Логунова Н. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков: эволюция жанра и художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. С. 46.
12. Нагибин Ю. М. *Дневник в 2 т.* М., 2010. С. 928.
13. Нестерова Н. М., Корюкина Н. В. О проблеме межкультурной транслируемости комического (на примере повести Сергея Довлатова «Компромисс») // *Университетские чтения-2016: Мат-лы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск, 2016.* С. 46–51.

14. Олизько Н. С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // *Вестник Челябинского государственного университета*. **2007**. С. 95–104.
15. Орлова Н. А. Архетипический мотив превращения в прозе С. Довлатова // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. **2010**. №2. С. 39–42.
16. Пелевина Н. Н. Интердискурсивность научного и художественного текстов // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. **2010**. №78. С. 137–143.
17. Первенцева Е. В. Смысловое пространство художественного дискурса и роль визуальной составляющей в его формировании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., **2007**. С. 23.
18. Сургай Ю. В. Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: ПГТУ, **2008**. С. 18.
19. Чернявская В. Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Уч. пособие*. Directmedia. С. 266.
20. Zaytseva S. Традиции Ильи Ильфа и Евгения Петрова и «Компромисс» Сергея Довлатова // *Studia Rossica Posnaniensia*. **2020**. Vol. 45. No. 1. С. 57–72.

Поступила в редакцию 17.11.2020 г.

После доработки – 07.12.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.6.5

Interdiscursivity in the novel “Compromise” by S. Dovlatov

© O. V. Bogdanova^{1*}, E. A. Vlasova²

¹Herzen University
48 Moika Embankment, 191186 Saint Petersburg, Russia.

²Russian National Library
18 Sadovaya Street, 191069 Saint Petersburg, Russia.

*Email: olgabogdanova03@mail.ru

In the contemporary times, when the first place is taken by the non-fiction literature, it is very interesting to study and analyze texts that turn out to be on the borderline of fiction and non-fiction discourses. One of such text is a work by S. Dovlatov “Compromise”, where we can see combination of fiction and non-fiction paradigms. The article aims to fill a gap in the scientific observation of the “Compromise”, which usually was a subject of comic phenomena research. In the novel “Compromise” where journal texts are compiled with non-fiction novel abstracts, such archetypical features as autobiographical, pseudodocumental character or the motive of transformation are revealed as a result of evident interdiscursivity. Interdiscursivity is understood as a phenomenon of mutual influence of different discourses, as it is in the Dovlatov’s “Compromise” – mutual influence of non-fiction and fiction discourses. Usually interdiscursivity is considered as a subject of linguistics studies or stylistics. Only recently, interdiscursivity began to be taken by the researchers as a research object in addition to intertextuality in order to observe these phenomena on the material of literary works. In the present article, as a result of such observation, special interdiscursive archetypical features are pointed out and considered, such as the motive of transformation, which is given an additional meaning in the communist context. According to the author’s opinion, it is the aim of future researchers to find out where the communist context (or the communist discourse in a more broad view) was a kind of a nutrient medium for such type of texts and for the phenomenon of interdiscursivity.

Keywords: interdiscursivity, Dovlatov, Compromise, discourse, intertext, modern Russian literature.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Bogdanova O. V., Vlasova E. A. Interdiscursivity in the novel “Compromise” by S. Dovlatov // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 6. Pp. 417–424.

References

1. Ar'ev A. *Sobr. soch. v 4 t.* Saint Petersburg: Azbuka, 2016. Vol. 1. Pp. 458–462.
2. Bogdanova O. V., Vlasova E. A. *Universitet-skii nauchnyi zhurnal*. 2018. No. 42. Pp. 15–28.
3. Vladimirova N. G. *Intertekstual'nost'. Intermedial'nost'. Interdiskursivnost' [Intertextuality. Intermediality. Interdiscursivity]*. Velikii Novgorod, 2016. Pp. 170.
4. Golovanova D. A. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014. No. 7(92). Pp. 25–30.
5. Georginova N. Yu. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*. 2014. No. 3. Pp. 149–154.
6. Dovlatov S. D. *Sobr. soch. v 4 t.* Saint Petersburg: Azbuka, 2016. Vol. 1. Pp. 181–203.
7. Dovlatov S. D. *Sobr. soch. v 4 t.* Saint Petersburg: Azbuka, 2016. Vol. 1. Pp. 255–458.
8. Koryukina N. V. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 2008. No. 3.

9. Kupriyanova E. S. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. **2017**. No. 2. Pp. 114–122.
10. Lastochkina E. V. *Publitsisticheskoe nachalo v proze S. Dovlatova: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow*, **2013**.
11. Logunova N. *Russkaya epistolyarnaya proza XX – nachala XXI vekov: evolyutsiya zhanra i khudozhestvennogo diskursa: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow*, **2011**. Pp. 46.
12. Nagibin Yu. M. *Dnevnik v 2 t. [Diary in 2 volumes]*. Moscow, **2010**. Pp. 928.
13. Nesterova N. M., Koryukina N. V. *Universitet-skie chteniya-2016: Mat-ly nauchno-metodicheskikh chtenii PGLU. Pyatigorsk*, 2016 Pp. 46–51.
14. Oliz'ko N. S. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. **2007**. Pp. 95–104.
15. Orlova N. A. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. **2010**. No. 2. Pp. 39–42.
16. Pelevina N. N. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. **2010**. No. 78. Pp. 137–143.
17. Perventseva E. V. *Smyslovoe prostranstvo khudozhestvennogo diskursa i rol' vizual'noi sostavlyayushchei v ego formirovanii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow*, **2007**. Pp. 23.
18. Surgai Yu. V. *Interdiskursivnost' kinoteksta v krosskul'turnom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver': PGTU*, **2008**. Pp. 18.
19. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost': Uch. posobie [Linguistics of the text: polycode features, intertextuality, interdiscursivity: textbook]*. Directmedia. Pp. 266.
20. Zaytseva S. *Studia Rossica Posnaniensia*. **2020**. Vol. 45. No. 1. Pp. 57–72.

Received 17.11.2020.

Revised 07.12.2020.